

УДК 316.356.4

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-1-164-174

Е. А. Ерохина

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет экономики и управления – «НИНХ»
ул. Ломоносова, 56, Новосибирск, 630099, Россия*

leroh@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭТНИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

Предложена методология исследования этнического неравенства. Выделены две группы институциональных механизмов воспроизводства неравенства: формальные (статусные) и неформальные (экономические). На основе анализа социокультурной трансформации первого постсоветского цикла сделано предположение о вхождении российского общества в фазу новой межэтнической фрагментации на современном этапе. Обоснована ведущая роль статусных различий языков народов России и региональных диспропорций экономического развития в воспроизводстве этнического неравенства.

Ключевые слова: этническое неравенство, институты, сети, фрагментация, интеграция, национальная политика, постсоветская Россия, государственные языки, статусные различия, региональные диспропорции.

Современный мир сталкивается с множеством противоречий. Одно из них заключается в усилении культурного обособления в условиях, при которых унификация образа жизни и прозрачность межгосударственных границ становятся определяющими чертами развития стран, народов и регионов. Указанное противоречие проявляется через множество эффектов, один из которых – так называемый этнический парадокс. Он заключается в росте этнической дифференциации и фрагментации по мере того, как нарастают интеграционные связи.

Этнический парадокс имеет две исторические причины. Первая заключается в наличии этнического разнообразия как множествен-

ности структур сетевой самоорганизации, основанной на принципах культурного тождества и различия сообществ, членство в которых предполагает распознавание культурных границ. С появлением социального неравенства и государства этнические сообщества приобретают качества социальных групп, структурных единиц социальной организации общества. Это становится второй предпосылкой, задающей этнический контекст социального неравенства.

Напомним различие горизонтального и вертикального принципов дифференциации общества. Если в основе горизонтальной дифференциации положено культурное, в том числе этническое, разнообразие, которое само по себе не предполагает иерархии статусов, то в основе вертикальной стратификации лежит неравенство, в том числе и такая его разновидность, как этносоциальное неравенство. Под этносоциальным неравенством здесь понимается обусловленное структурными условиями ограничение в доступе к материальным и духовным благам, в том числе к инновациям, представителей определенных этнических, а также этноконфессиональных и расовых групп.

В обществах традиционного типа, в том числе позднего Средневековья, стратификационные основания задавались сословным и конфессиональным критериями. Организованные в горизонтальные страты военные, бюрократы, аристократы и священнослужители использовали культуру владения письменной речью для поддержания иерархии, которую никто не предполагал оспаривать. «Высокая» письменная культура элиты, овладение которой требовало серьезной и длительной подготовки, противостояла «низким» культурам простонародья, основанным на устной традиции [Геллнер, 2002. С. 151–153]. «Низкая» же в статусном отношении культура простонародья бытовала на уровне локальных диалектов местных крестьянских общин. Культурные различия, препятствовавшие коммуникации, поддерживали социальные барьеры.

С переходом к модерну характер стратификации меняется. Поддержание культурных перегородок утрачивает смысл. Напротив, обмен сообщениями затруднен, если смысл посланий зависит от местного диалекта или определяется каким-либо сложным смысловым контекстом. Следовательно, универсальная система коммуникации требует только таких знаков, которые отвечают ее стандартам и не зависят от контекста [Там же. С. 155–156].

Для того чтобы люди умели вычленять необходимые смысловые элементы и абстрагироваться от специфического контекста, требуется длительное обучение и дисциплинарное воздействие. Источником

такого воздействия становится государство, поддерживающее «высокую» письменную культуру на национальном языке – языке администрирования, дело- и судопроизводства, образования в массовой школе. Каждый из национальных языков собирал вокруг себя те диалекты, которые были ему близки [Андерсон, 2001. С. 68]. Требование единого стандарта коммуникации ограничило «буйное произрастание» разнообразных субкультур [Геллнер, 2002. С. 159].

Наличие или отсутствие собственного языка «высокой» культуры влекло за собой неравный доступ к образованию как к социальному лифту для выходцев из разных этнических групп. Это создавало предпосылки для неравенства в обладании собственностью, властью, престижем конкретных представителей этих групп.

Однако модерн – это не только новая роль государства в управлении этническим многообразием. Модерн утверждает новые, рыночные отношения, которые не могут воспроизводиться без эксплуатации периферии капиталистической миросистемы. Сама же эта периферия представляет собой самостоятельную область экономики с соответствующим ей социальным порядком, который регулируется неформальными институтами, достаточно независимыми от рынка и от государства: моралью и обычным правом, институтами родства, правом владения и использования ресурсной базой на основе членства в сообществе [Шанин, 1999]. Указанные институты обладают значительной степенью автономности по отношению к формальным институтам: к праву как закону, к институту гражданства, к частной собственности. Таким образом, институциональные факторы, обеспечивающие воспроизводство этнического неравенства, сами оказываются обусловленными двойственной природой социальных институтов. С одной стороны, растет влияние формальных, статусных институтов, поддерживающих связь государства и «высокой» культуры в процессе нациестроительства. С другой стороны, неформальные институты, вытесненные на периферию социального участия административным давлением репрезентирующих национальную государственность структур, приспосабливаются к существующей ситуации посредством мобилизации своих сетевых ресурсов. В результате происходит усложнение воспроизводства этнического неравенства.

В постсоветском цикле социокультурной трансформации России можно выделить две фазы, – фрагментации и интеграции, в рамках которых нарушался баланс между доминирующим большинством и этническими меньшинствами. В 1990-е гг. с развитием суверенизации изменился характер межэтнической асимметрии в пользу языков и культур титульных этносов и в ущерб русскоязычной советской /

общероссийской культуре [Сагитова, 2004]. Эти процессы фрагментировали наиболее сильно те региональные сообщества, где была высока доля нерусского населения – в Республике Татарстан, Республике Саха (Якутия), Республике Тыва. В ряде республик, где численно доминировали титульные народы, произошел отток русскоязычного населения (Республика Тыва, республики Северного Кавказа).

В 2000-е гг. по мере усиления властной вертикали характер асимметрии смещается в пользу общероссийской культуры. Сфера использования родного языка этнических меньшинств, в том числе государственных языков в соответствующих национальных республиках – субъектах РФ, постепенно сокращалась. Данные процессы являются не только следствием обесценения результатов суверенизации. Усиление позиций федерального центра в диалоге с национально-территориальными субъектами, в том числе в вопросах языковой политики, по времени совпало с утверждением стихийного капитализма как доминирующего типа социальной связи в российском обществе. В этих условиях отпадает необходимость прибегать к языкам меньшинств для заключения коммерческих сделок, купли или продажи, распространения рекламы. Более того, требуются специальные дотации со стороны государства для того, чтобы поддерживать массовое образование, книгопечатание, театральные представления на языках не доминантных этнических групп, даже если в рамках своих национально-территориальных образований они меньшинством не являются. Русский язык понятен всем.

На рубеже 2014–2015 гг. российское общество вступило в новый цикл социокультурной трансформации, вызванный обострением конфликта на востоке Украины и падением цен на энергоресурсы. Данный цикл, как и предыдущий, начинается с фазы фрагментации, сопряженной с активностью не доминантных этнических групп, расширением сферы влияния языков меньшинств, ростом числа статусных конфликтов, содержащих этнический компонент. В статусных конфликтах определяющую роль играют формальные институты и принципы: закон, право, приоритет Конституции. Формальные институты остаются самым чувствительным к соблюдению паритета в отношениях между доминирующим большинством и не доминантными меньшинствами механизмом регулирования межэтнических отношений. Показательными в смысле иллюстрации текущей фазы второго постсоветского цикла являются два кейса: законопроект о российской нации (2016 г.) и вопрос о статусе государственных языков субъектов РФ в качестве обязательных для обучения в общеобразовательных учреждениях соответствующих регионов (2017 г.).

Тридцать первого октября 2016 г. в Астрахани состоялось заседание президентского Совета по межнациональным отношениям, посвященное вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г. На упомянутом заседании один из участников, Вячеслав Михайлов, обратился к Президенту РФ со следующими словами: «...в стратегии была записана, и в Вашей статье (речь идет о предвыборной статье В. В. Путина «Россия – национальный вопрос». – Е. Е.) о ней говорилось, что многонациональный народ Российской Федерации – это российская нация. Я предлагаю такой вариант закона – о российской нации и управлении межэтническими отношениями. То есть это стратегическая линия, которая акцентирует внимание закона: о российской нации. У нас есть уже основания и достаточно правовых моментов раскрыть это понятие и перейти в конечном счете к более, кажется, точному наименованию межэтнических отношений»¹. Эта позиция вызвала неоднозначное мнение ученых, политиков, деятелей культуры и искусства.

В постсоветской России гражданское сообщество сформировалось вне идеологии национализма. Попытка намеренного внесения идеологии национализма в принципы согражданства россиян входит в противоречие с формулой Конституции Российской Федерации, выраженной в преамбуле к Основному закону: «мы – многонациональный народ России». Российское общество может столкнуться с фрагментацией граждан по этническому признаку: по устоявшейся традиции национальное россияне связывают с этнокультурным, а гражданское – с политическим началом. В ходе заседания Президент одобрительно отозвался о высказанной В. Михайловым идее, но в последующем никак не содействовал ее продвижению.

Второй кейс связан с проблемой преподавания языков этнических меньшинств в образовательных учреждениях субъектов РФ. Двадцатого июля 2017 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле Президент РФ высказался по поводу языковой политики следующим образом: «У каждой территории свои особенности межэтнических отношений, и, конечно, их нужно учитывать, обеспечивая при этом единые подходы к решению задач национальной политики государства в целом. Например, в сфере преподавания русского языка и языков народов России в школах. Хочу напомнить, уважаемые друзья, что русский язык для нас – язык государственный, язык межнационального общения, и его ничем заменить нельзя,

¹ Заседание Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям. 31 октября 2016 г., Астрахань. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53173> (дата обращения 13.12.2017).

он естественный духовный каркас всей нашей многонациональной страны. Его знать должен каждый.

Языки народов России – это тоже неотъемлемая часть самобытной культуры народов России. Изучать эти языки – гарантированное Конституцией право, право добровольное. Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского. Обращаю на это особое внимание глав регионов Российской Федерации»².

Данное высказывание недвусмысленно подчеркивает приоритет государственного русского языка в образовательном пространстве над другими родными языками, в том числе обладающими государственным статусом и потому обязательными для обучения в некоторых субъектах РФ. Если до лета 2017 г. языковая политика в субъектах РФ опиралась на понимание паритета как равенства двух государственных языков, русского языка как государственного языка РФ и языка титульного этноса как государственного языка соответствующего субъекта России, то с осени 2017 г. вопрос о статусе языков поставлен в иерархическую плоскость. Упомянутое заседание обозначило новую повестку дня в языковой политике: каким должен быть новый подход к пониманию паритета в отношениях между государственным языком Российской Федерации и государственными языками ее субъектов. Учитывая важность проблемы, следует отметить необходимость ее обсуждения и скорейшего решения.

Однако не только номинальные статусы способны оказывать позитивное или негативное воздействие на межэтнические отношения. Субъективно ощущаемое этническое неравенство может вызываться экономическими причинами. С развитием глобальных процессов отдельные общества оказываются в большой зависимости от стихийно складывающейся конфигурации рыночных связей, усиления экономических позиции одних регионов и ослабления других. Глобализация противоречива, и наряду с усовершенствованием технологий и форм организации она несет свою противоположность – демодернизацию, в том числе – возврат к архаическим формам социальных сетей (семейным, родственным, земляческим отношениям). Демодернизация порождена огромной социальной дистанцией между теми, кто живет в развитых и развивающихся странах.

В условиях современной России такой тип неравенства явлен в региональных диспропорциях. Обращение к основным экономическим

² Заседание Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям. 20 июля 2017 г., Йошкар-Ола. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109> (дата обращения 13.12.2017).

показателям в региональном разрезе позволяет выявить специфическую роль структурных механизмов такого неравенства. На основе анализа документов официальной статистики коллективом авторов Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН были получены индексы дифференциации основных макроэкономических показателей по регионам России в 2012 г. в расчете на душу населения. При этом за единицу были взяты общероссийские показатели.

Сравнение по показателю валового регионального продукта позволило выделить кластер регионов с самыми низкими, не превышающими 0,4 ед., индексами: Ивановская область – 0,38; Республика Дагестан – 0,36; Республика Тува – 0,36; Республика Ингушетия – 0,35; Республика Калмыкия – 0,31. Регионы с самым низким среднедушевым доходом имеют показатели, не превышающие 0,6 ед.: Республика Мордовия (0,59), Республика Ингушетия (0,54), Республика Тыва (0,53), Республика Калмыкия (0,44). По индексу инвестиционных различий, рассчитанному на основе среднего душевого показателя инвестиционных затрат за десятилетний (2002–2012) период, в аутсайдерах оказались Ивановская область (0,39), Псковская область (0,37), Республика Тыва (0,22), Республика Ингушетия (0,21) [Маршалова, 2016. С. 185–186].

Как видно из данного сопоставления, регионами с самыми низкими макроэкономическими показателями оказались субъекты РФ с преимущественно аграрной специализацией. Сельское хозяйство остается сферой, требующей государственных дотаций, выравнивающих диспропорции между городом и селом. Именно в этой сфере, ориентированной преимущественно на традиционный образ жизни, самозанятость, нерыночные механизмы обеспечения материальными и иными благами, в значительной мере воспроизводится этническое многообразие современной России. В условиях дефицита институциональных способов обретения жизненных благ человеку проще «двигаться» по неформальным – семейным, земляческим, этническим сетям. Это превращает неформальные институты в устойчивые и конкурентоспособные механизмы преодоления дистанции неравенства.

Однако эффект этого преодоления неоднозначен. Нередко одно неравенство снимается другим неравенством. Ограничения, возникающие из-за недостатка ресурсов, не позволяют решать назревшие социальные проблемы приемлемым для граждан демократического государства способом. Это создает питательную почву для клановости в политике, при устройстве на работу, в поддержке при про-

движении социальных проектов. Нередко вращение этнических кланов в административные структуры выдавливает русское население из национальных субъектов РФ. Неравенство в обретении жизненных благ оборачивается дискриминацией русских, вынужденных покидать некоторые территории не только в силу отсутствия работы и достойного заработка, но и ввиду невозможности сделать карьеру, продвигаться по служебной лестнице в условиях клиентелизма, недооценки профессиональных навыков и переоценки лояльности родственными и земляческими отношениями.

Глобализация выводит «из тени» конкурентные гражданству формы идентичности, утверждая сетевой принцип в качестве альтернативы национально-государственным институтам. Этничность, контролируемая государством в эпоху модерна через перепись, этническое картографирование и музейную деятельность, возвращается в пространство политики, не желая оставаться неким культурным артефактом. За этим обстоятельством кроется чрезвычайно значимая в контексте глобальной коммуникации тенденция. Речь идет об утрате доверия в возможности модерна, следствием чего стал кризис веры в силу и справедливость национального государства.

Еще одним следствием глобализации является расширение горизонтов социального сравнения. Если в обществах, предшествующих модерну, неравенство рассматривалось как норма и социальное сравнение признавалось допустимым лишь в отношениях между индивидами, находящимися на одном этаже сословной лестницы, то современность изменила данное представление. Выявленное в результате социального сравнения структурное или институциональное неравенство стало отождествляться с ущемлением личности и прав человека.

В норме человек сравнивает себя с теми, кто находится рядом. Расширение горизонтов позволяет выбирать объект социального сравнения достаточно произвольно. В постсовременности этот выбор не ориентирован на территориальную близость или статусное сходство. Сеть Интернет открывает широкие просторы для разного рода сопоставлений. Нередко результатом сравнения оказывается депривация, ощущение ущемленности и разочарования от неоправдавшихся ожиданий.

Как полагает этносоциолог Л. М. Дробижина, этнические проблемы останутся актуальными в XXI в. «В условиях все новых этнических вызовов среди ученых и политиков дискутируются проекты оптимального государственного устройства: создания его на основе культурно-однородного согражданства, а значит, допущения во имя

этого изменения территориальных границ или, наоборот, укрепления полиэтнических государств за счет улучшения системы управления и совершенствования культурной политики... Если мы можем и хотим сохранить Россию как целостное полиэтническое государство, нужна политика, позволяющая согласовать интересы личности и государства, этнических групп большинства и меньшинств» [2003. С. 20–21].

В этих условиях все громче звучат голоса тех, кто призывает обратиться к советскому опыту регулирования межэтнических отношений. Сама по себе эта идея выглядит заманчивой. Смущает лишь то обстоятельство, что советская идеология базировалась на позитивных для своего времени идеалах коллективизма, тогда как современное российское общество целенаправленно формировалось как преимущественно индивидуалистическое. Для вызревания новых оснований гражданской солидарности, социального участия, доверия требуется время, возможно, десятилетия тонкой и деликатной работы по гармонизации межэтнических отношений.

Таким образом, природа этнического парадокса в постсовременном мире может быть объяснена обращением к изменившимся условиям воспроизводства этничности в эпоху глобализации. Глобальное сравнение на уровне массового сознания создает предпосылки для депривации, что ухудшает социальное самочувствие представителей отдельных этнических групп и населения некоторых полиэтнических регионов в целом. Возрождение этнических кланов в политике подтачивает доверие к национальному государству. Нарушение принципа этнического паритета в отношениях между доминирующим большинством и этническими меньшинствами, в вопросах административного и политического представительства в структурах управления воспринимается как нарушение принципа справедливости всеми гражданами. Трансформация социального порядка, порождающего новые формы этнического неравенства, неизбежна, если общество хочет избежать ксенофобии и радикализма.

Список литературы

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. и др. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 146–200.

Дробижева Л. М. Социальные проблемы межэтнических отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.

Маршалова А. С. Социально-экономическое развитие муниципальных районов и проблемы национальной безопасности // Бабенко Т. И., Блам Ю. Ш., Казанцев С. В. и др. Угрозы и защищенность экономики России: опыт оценки. Новосибирск: ИЭОПП, 2016. С. 177–201.

Сагитова Л. В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности. СПб.: Летний сад, 2004. С. 77–124.

Шанин Т. Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, 1999. С. 11–32.

Материал поступил в редколлегию 21.12.2017

E. A. Erokhina

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University of Economy and Management
56 Lomonosov Str, Novosibirsk, 630099, Russian Federation*

leroh@mail.ru

INSTITUTIONAL DETERMINANTS OF ETHNIC INEQUALITY REPRODUCTION

The article proposes a methodology for ethnic inequality research. Two groups of institutional mechanisms for the reproduction of inequality are singled out: formal (status ones) and informal (economic ones). On the basis of the analysis of social and cultural transformation of the first post-Soviet cycle, the assumption is made that Russian society at the present stage is entering the phase of a new interethnic fragmentation. The leading role of the status differences of languages of peoples of Russia and the regional disproportions of economic development in the reproduction of ethnic inequality is substantiated.

Keywords: ethnic inequality, institutions, networks, fragmentation, integration, national policy, post-Soviet Russia, state languages, status differences, regional disproportions.

References

Anderson B. *Voobrazhaemye soobschestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow, KANON-press-C, Kuchkovo pole, 2001. (In Russ.)

Gellner E. Prishestvie nacionalizma. Mify natsii i klassa [Coming of nationalism. Myths of the nation and class]. Anderson B., Bauehr O., Hroh M. and all. *Nacii i nacionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow, Praksis Publ., 2002, p. 146–200. (In Russ.)

Drobizheva L. M. *Sotsial'nye problemy mezhetnicheskikh otnoshenii v postsovetskoi Rossii* [Social Problems of Interethnic Relationships in Post-Soviet Russia]. Moscow, Centr obschechelovecheskih cennostei, 2003. (In Russ.)

Marshalova A. S. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie munitsipal'nyh raionov i problemy natsional'noi bezopasnosti* [The socio-economic development of municipalities and the problems of national security]. Babenko T. I., Blam YU. SH., Kazancev S. V. i dr. *Ugrozy i zaschischennost' ekonomiki Rossii: opyt otsenki* [Threats and Security of the Russian Economy: the Assessment Experience]. Novosibirsk, IEOPP Publ., 2016, p. 177–201. (In Russ.)

Sagitova L. V. *Regional'naya identichnost': sotsial'nye determinanty i konstruktivistskaya deyatel'nost' SMI (na primere Respubliki Tatarstan)* [Regional identity: social determinants and constructivist activity of the media (on the example of the Republic of Tatarstan)]. *Centr i regional'nye identichnosti* [The Center and Regional Identities]. St. Petersburg, Letnii sad Publ., 2004, p. 77–124. (In Russ.)

Shanin T. *Ekspolyarnye struktury i neformal'naya ekonomika sovremennoi Rossii* [Expolar structures and informal economy of modern Russia]. *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir* [Informal Economy. Russia and the World]. Moscow, Logos Publ., 1999, p. 11–32. (In Russ.)